Переплетения

А Римка целый день думала о том, что не произошло, а могло бы, пыталась разобраться почему. Долго разглядывала себя в зеркале, которое купила когда-то на рынке. Из этого зеркала в кроваво-красной рамке смотрело на неё лицо усталой, но ещё довольно молодой женщины, лицо, которое она раньше так часто рисовала и потому хорошо знала. У губ появилась скорбная складочка, а глаза немного потемнели. «Старею. Надо сходить подстричься», - подумала Римка и, прихватив кошелёк и сумку, отправилась в город, чтобы отвлечься, по привычке спрятав неудобные мысли в суету дня.

Целый день она бродила по магазинам, бесцельно, ничего не примеряя и не покупая, пока уже чуть не валилась с ног, а вернувшись, села за письменный стол. Но сегодня ей не хотелось ни рисовать, ни сочинять сказки. Потребность облекать неопределённое в конкретное у неё родилась ещё в детстве, и тогда она писала свои несмелые детские стихи, сложенные из ласковых или тревожных строк. Если же мысли, не желая останавливаться, напирали одна другую, теснились в её голове, она писала свои сказки, наводя в ней порядок. А иногда было и наоборот: осязаемое, зримое, грубое влекло её к себе своей второй сущностью, и эту сущность и её символику хотелось вскрыть, вытащить на передний план, создав новую форму. В такие минуты она бралась за холст и краски, потому что

нуждалась в более абстрактном способе выражения. Сегодня был день неопределённого. Она была взбудоражена происшедшим, вернее, непроисшедшим. По когда-то знакомому, но подзабытому ритуалу, она обхаживала пьяного Ромку этой ночью, желала близости с ним и боялась её допустить. И хотя она уже много лет не писала стихов, а только читала и перечитывала своих любимых авторов, сегодня у неё в голове прозвучали ритмичные зарифмованные строчки. Даже интонацию своего голоса она услышала почти наяву. Сначала только Горьковское «А был ли мальчик?», и чувство усталости и бессилия что-либо изменить, и ритм, а потом полилось, только записывай.

Вернулась, как побитая собака,
Нырнула в пледа клетчатый уют.
Трезвею без похмелья - после драки
Не машут кулаками, слёз не льют.

Истерзана безудержною плотью,
По дому бледным призраком хожу.
Мне на лицо, измятое, как платье,
Вуалью свет бросает абажур.

Но день как день – не провалилось небо.
Опять сочится время сквозь тоску.
А был ли ты и краденого хлеба
Твоих неробких поцелуев вкус?

Приплёлся вечер, истомясь и сгорбясь,
Сидел и плакал на моём окне.
В кровавой рамке отраженье скорби
Чужим лицом блестело на стене.

Написала, успокоилась, опустошённая уснула. А на следующее утро приказала себе о Ромке больше не думать, голову парню не морочить, и заняться чем-нибудь полезным: постирать, например, шторы.

Неожиданно позвонила Ленка и предложила встретиться.

- А ты что же, не в церкви? – спросила Римка.

- Потом расскажу. Давай поедем к отцу в деревню. Я ему уже давно обещала навестить его. Там у них озеро небольшое, позагораем, воздухом подышим. А то я тут в городе задыхаюсь.

Голос у Ленки был какой-то неуверенный, тон просительный, и Римка согласилась.

По дороге в автобусе Ленка, вопреки обыкновению, молчала, да и выглядела растревоженной, осунувшейся, усталой. Римка не стала расспрашивать – весь день ещё впереди – знала, Ленка не выдержит, всё сама расскажет.

Деревушка, в которой поселился Ленкин отец после развода, была небольшая, но очень симпатичная. Несколько улиц, утопающих в зелени огородов, заросший кустарником холм, а за ним озеро. Дом, доставшийся отцу в наследство от недавно умершей

матери, ветхий, некрашеный, стоял прямо за бугром, отделённый от него жиденькой рощицей. Идти с остановки по утренней прохладе через рощу, в которой запутался лёгкий ветерок, было легко и приятно.

Отец Лены, ещё не совсем проснувшись, с голым пузом и в наскоро напяленных спортивных штанах с растянутыми коленками, встретил их изумлённым возгласом:

- Да что же ты меня не предупредила, девка! Я бы прибрался, гостинцев купил! Чем угощать-то вас буду?!

- Да как тебя предупредить? У тебя ведь телефона-то нет. А гостинцы мы сами привезли – тебя угощать будем, - утешала его немного повеселевшая Ленка.

- Да мы, деревенские, телефонов не держим. Один, вон, на почте стоит. Да кому мне звонить, только тебе, разве? Так ведь тебя сроду дома нет. Но я понимаю. Ваше дело молодое. Гуляйте, пока не замужем да детишков не завели, потом насидитесь.

Стали собирать на стол. Ленка привезла докторской колбасы, свежие булки. У отца в холодильнике нашлось пару яиц. Сделали омлет. Сели завтракать.

Отец с дочерью обменивались вопросами, душевно беседовали. Видно было, что понимают друг друга с полуслова. После завтрака отец отправил их прогуляться, а сам остался якобы прибраться да

вымести избу. А когда они вернулись, он был уже навеселе. Ленка расстроилась, но не подала виду, была всё так же ласкова с ним. После обеда, состоявшего из жареной картошки с всё той же колбасой, Ленка взялась за уборку: перемыла всю грязную посуду, собрала в большую сумку грязное бельё, разложила в шкафу чистые вещи, привезённые с собой. Отец с бутылкой пива отправился в огород, раскрутил длинный шланг и освежил мощной струёй пыльные дорожки, побрызгал на деревья, кустарники, сбил с них паутину, потом развалился в подвешенном под деревьями гамаке и уснул. Ленка, словно оправдываясь, сказала: «Жалкий он, собака, беспомощный. Как работу потерял, уехал сюда, в деревню. А здесь ещё больше запил. Руки у него золотые, всей деревне всё починяет или траву косит вдовушкам. А они самогоном рассчитываются. Когда бабушка в прошлом году умерла, всё здесь пошло прахом. Огород зарос паутиной, ничего не растёт толком. Корову продал, куры передохли. Как деньги коровьи пропьёт - не знаю, что будет. Один бог знает.»

Римка с Ленкой пошли на озеро купаться. Разложили на берегу одеялко, разделись, разлеглись на солнышке и молчали, наслаждаясь тишиной. Над озером проплывали облака, пушистые и лёгкие, будто взбитые из яичного белка. Римка смотрела на них сквозь стёкла затемнённых очков, не отрываясь, наблюдая за их плавными, как в замедленных съёмках, движениями, и как в детстве пыталась

угадать контуры создаваемых ими фигур и предметов, расплывчатых, а иногда очень определённых и узнаваемых. Забавная игра, единственное развлечение на пляже, где не было ни лодочной станции, ни будок с мороженным и прохладительными напитками, ни волейбольной площадки, как у них в городе. Неподалёку расположились ещё две парочки и одна семья, которые были заняты только собой или своими детьми. Подкрепившись и перекурив, закапав в песок окурки и яблочные огрызки, они развалились на полотенцах, выставив напоказ плоские и выпуклые, эстетичные и менее эстетичные части тела. Даже ребятишки, накупавшись до синюшности, лениво и без гвалта копались в песке. Ленка вроде бы даже задремала. Казалось, в этом мире никому не было до другого никакого дела. А значит, можно было продолжить свою игру узнаваний.

Вот определилась на полминуты фигура гигантского северного медведя в игрушечном исполнении, окружённого снежными айсбергами, которым немного не хватало остроты и очерченности – такой вот снежный пушистый островок в море-небе, впрочем, слишком прозрачном и голубом для севера. И уже в следующее мгновенье островок раскололся на отдельные льдинки, каждая из которых поплыла в своём направлении, медленно тая. Медведь стал вдруг неуклюжим и растерянным, а его лапы начали расползаться в разные стороны. Он запрокинул

голову набок, его уши стали медленно расти вниз, а нос вытягиваться. Ещё минута - и он превратился в забавного белого пуделя-щенка с круглой пушистой балаболкой на конце хвоста. Щенка сменила кудрявая голова блондинки, высокомерно поднятая навстречу лучам безжалостно жгущего полуденного солнца. Вот определилась и её пышная грудь, и, как на карикатурном рисунке, преувеличенно округлые бёдра. Блондинка зашевелилась, задышала и на глазах превратилась из кокетливой дамочки типа Мерлин Монро в толстую булочницу, только не румяную, а присыпанную мукой, ну точь в точь с пряничной этикетки.

Облака всё сгущались и, благодаря воздушным течениям, наплывали друг на друга. И вот уже рождается на глазах новый неповторимый образ: добродушный толстяк и великан принимает ванную. Мыльная пена покрывает его волосы и тело, переливается через край корыта, в котором он сидит, отрывается от мочалки и летит медленно в сторону, став в следующий момент обыкновенным облачком, недостойным чьего-либо внимания.

«Величественная картина, этот гигантский моющийся старик. А запах воды делает её ещё более правдоподобной, - подумала Римка и мысленно назвала её «Бога банный день». - Забавное произведение искусства, нет, вернее, природы, которому не сулит вечность, а только на минуту прикованный к нему мой взгляд.» И вдруг её невольно охватило приятное ощущение покоя,

покорности этому мгновению и судьбе. «Всё идёт как задумано, если так беззаботно и самозабвенно принимает наш творец ванную» - подумала Римка, задумав уже свою новую картину и не стесняясь плагиата.

Перевернувшись на живот, она подставила солнцу свои, в этом году ещё не загоравшие, плечи и спину, и стала разглядывать снующих вокруг насекомых. Они копошились в траве, перелетали с травинки на травинку, беззаботно, не подозревая и не предвидя ни опасности в виде своих прожорливых естественных врагов, ни приближающейся смерти. «Счастливая безмятежность жизни, - лениво размышляла Римка. – Прям завидно. Заняты только утолением голода и продолжением рода. И никакой ответственности, никаких угрызений совести. Родили своих паучат, стрекозят, муравейчиков – и бросили на произвол судьбы. И спасайся, кто может. Человек за такой поступок будет платить всю жизнь: поздним раскаяньем, неумолимой памятью, одиночеством, самоуничижением.» Последняя мысль не вписывалась в её сегодняшнее настроение, и она решила её отогнать подальше.

Ленка, проснувшись, некоторое время наблюдала, как Римка стебельком дразнила муравья, перекрывая ему путь к бегству с их одеяла, и наконец нарушила молчание:

- Мы в детстве часто мучили насекомых: отрывали мухам крылышко и смотрели, как они пытаются улететь, кружась на одном месте вокруг

своей оси. Девочки делали себе ожерелья из засушенных бабочек, а иногда мы бросали в паучьи сети мух и смотрели, как паук обволакивал их липкой паутиной. А ещё мы ловили на спор «двойных», то есть спаренных, стрекоз или мух и держали их в стеклянной банке с крышкой. Наберёшь двадцать штук – за это время половина изжарится на солнце – выиграешь фантик или переводную картинку. Если бы насекомые обладали сознанием, они бы придумали, что спариваться грех, и за это их жарят в стеклянном аду, – Ленка горько усмехнулась.

- Да, дети иногда очень жестоки, и не только к насекомым, - откликнулась наконец Римка, удивляясь почти крамольному сарказму подруги. - Я думаю, что взрослеть – это избавляться от жестокости и от эгоизма.

- Ну, тогда наше общество на восемьдесят процентов состоит ещё из детей.

- Может быть. Дети делают многое из познавательного любопытства, и эта жестокость даже в какой-то мере оправдана. Я не понимаю, почему взрослые «дети» повторяют свои ошибки. Я, например, десять раз подумаю, прежде чем что-нибудь сказать. Всё, кажется, могу кого-нибудь обидеть. Так скоро и говорить разучусь. Не знаю, что даёт людям их грубость, бесцеремонность? И столько хамства кругом!

- А я знаю. Это даёт им власть над людьми. Когда

они казнят и милуют и при этом наблюдают, как ты съёживаешься под их взглядом, стыдишься своей слабости, своих чувств, то представляют себя на одной ступени с богом. И тогда они забывают, что говорит им их хвалёное Евангелие. Не судите, да не судимы будете! Как бы не так: есть судьи, и есть подсудимые. И кто дал им право называть себя судьями и смотреть на других свысока, они и не задумываются.

- Ты это о ком? – не удержалась от вопроса Римка, удивляясь такому выпаду, вроде даже невпопад.

- Всё о том же! – прорвало наконец Ленку и теперь её уже нельзя было остановить. – Меня выгнали из общины. За любовь к ближнему. Сначала заставили покаяться, ласково так заставили, а потом, когда я призналась, что не могу перестать любить его, попросили сделать выбор: или бог, а имелась в виду община, или он. Но мне выбирать не пришлось, потому что мой бог не ставит людей перед выбором. Он знает и любит меня со всеми моими грехами и слабостями. Да и с каких это пор любить человека считается грехом?! Разделили людей на чужих и своих, возомнили себя вершителями судеб и не стыдятся своей гордыни! Ты бы знала, какие они мне вопросы задавали! У них больное воображение. Мы с ним ещё и не переспали, а они уже тащат нас в разные стороны, как мы в детстве тех «двойных» стрекоз.

- Я думала, что ты там своя и счастлива в общине,

- недоумевала Римка, догадываясь, кто за всем этим стоит, но боясь произнести его имя.

- Я и была. Потому мне так трудно расстаться с ними. Ведь я там впервые почувствовала себя в надёжном месте, нашла друзей, полюбила. Но после того, как ушёл Роман, меня заставили от него отречься, провести линию между прошлым и будущим, как выразился брат Павел. А что мне это будущее без него?

У Римки сжалось сердце. Сказать ей правду в этот момент было невозможно. Она поглаживала плачущую Леночку по спине, как чужого несчастного ребёнка - на большее она в этой ситуации была не способна. «Как Иуда» - пронеслось у неё в голове. Она понимала, как родилась в душе у Леночки эта печальная любовь. Ромка, которому всегда были нужны свободные уши, частенько заглядывал к ней на чай, делился с ней сокровенным. И хотя это сокровенное распространялось на всё человеческое, всё, им пережитое и передуманное, но Ленка перепутала его с интимным, возомнила себя его поверенной, его подругой. К тому же эти совместные поездки и проведённые выходные, бесконечные лобызания при приветствиях и прощаниях, это сентиментальное «сестричка» - всё будто бы говорило Леночке о его чувствах. Он изливал ей свои эмоции ко всему, с чем соприкасалась его впечатлительная натура, а она принимала их на свой счёт. Всё это было так знакомо Римке. Всё это уже

было. Желание любви вместо самой любви. Прошлое засосало под ложечкой, угрожая из загнанной вглубь памяти вырваться на поверхность.

Из оцепенения их вывели детские голоса. Целая ватага ребятишек примчалась наперегонки, чтобы искупаться ещё перед заходом солнца. Самый шустрый из них уже разделся и направился к берегу, как вдруг остановился и стал звать товарищей: «Скорей, сюда! Глядите, какой паучище!» Подбежавший к нему паренёк удивился и, не долго думая, растоптал паука тяжёлым ботинком, так как был ещё обутый.

- Ты чего, дурак! – обиделся первый. Я хотел его в банку и с собой забрать. Девчонок бы напугали.

- Это ты – дурак. Что, не видел что ли? Это же крестовик был. Они, знаешь, какие ядовитые! Такой, если укусит, рука отнимется, - отвечал ему юный натуралист. И секунду спустя оба бросились с разбега в воду, подняв столб мощных брызг, разогнавших мошкару.

В город возвращались поздно. Леночка, облегчённая слезами и сочувствием подруги, Римка – с запоздалыми угрызениями совести, с вновь накатившимися на неё воспоминаниями. О наивной мечте, прожить какую-то особенную жизнь с человеком, близким по духу, мужем, другом, учителем; о катастрофе, за этим последовавшей, о нечаянном материнстве и не проснувшемся к ребёнку чувстве. Перед внутренним взором опять

возник образ девочки, без лица и без имени, только силуэт на фоне бездонного звёздного неба. Дома она открыла свою коричневую тетрадь на чистой страничке и начала новую сказку, обращаясь в мыслях к своей потерянной навсегда дочери.